

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹

Н.Ф. Алефиренко

*Белгородский
государственный
университет*

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Введение

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов. Под знаками речи он понимает видоизменения знаков языка, которые происходят в процессе речи. Частично с этим можно согласиться. Однако далее ученый высказывает спорное суждение: к знакам речи он относит и знаки чувствований, т. е. междометия, что свидетельствует об отсутствии в то время теории семиотического противопоставления (дихотомии) знаков языка и речи. Необходимость ее создания обуславливается многими существующими в лингвистике противоречиями онтологического характера. Прежде всего, следует отметить, что пока никак не согласуется с устоявшимся определением языкового знака как материально-идеального образования основная дихотомия: язык – система *идеальная*; речь – *материальна*. Если считать, что данное определение относится к знакам речи, то возникает вопрос: есть ли знаки языка? Если есть, то какова их природа и сущность, чем они отличаются от знаков речевых?

Теоретический анализ

В поисках сущности лингвосомиозиса сделаем предположение о диалектическом сосуществовании знаков языка и знаков речи. Конечно же, прежде всего в голову приходят решения, подсказанные поверхностными аналогиями: в соответствии с существующей доктриной «язык – речь» рассматривать знаки языка сущностями

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.



идеальными, а знаки речи сущностями материальными (физическими). Последние материальны в том смысле, что их планом выражения служит звуковая, то есть физическая, субстанция. Такого рода проекции кажутся вполне соответствующими языковой действительности. Однако при этом не следует забывать, что знаки речи имеют не только план выражения, но и план содержания, поскольку являются носителями определенного смысла, соотносимого со значением языкового знака. Уже это заставляет задуматься, насколько данная аналогия отвечает языковой действительности, и выдвинуть предположение о более сложном, диалектически противоречивом характере лингвосомиозиса, во многом обуславливающимся механизмами речемыслительной деятельности человека в целом.

Будем исходить из следующего понимания семиотической дихотомии языка и речи: (1) эталонный знак языка конституирует план выражения речевых знаков, а (2) некоторое множество материальных знаков речи служит материалом для формирования инварианта — образцового эталонного знака. Без знаков языка невозможны знаки речи, и наоборот. Такой подход создает новый стимул для развития лингвосомиотики, в частности открывает возможности для создания в ее рамках когнитивно-семиологической теории знака (Алефиренко Н.Ф., 2006: 31) в единстве его когнитивных, семиотических и прагматических свойств.

Без последовательного различения знаков языка и знаков речи сложно определить, как язык в процессе познания выполняет одну из своих основных функций — объективирует в сознании человека то, что ему уже каким-то образом известно. В связи с этим утверждается, что знак — прежде всего гносеологическое понятие. Лингвисты акцентируют внимание на коммуникативном предназначении языковых знаков, поскольку они служат средством передачи сообщений. Противоречие снимается разграничением знаков языка и знаков речи. На самом деле, когнитивную функцию выполняют знаки языка, а коммуникативную и прагматическую — знаки речи. Причем функциональное предназначение одного служит условием выполнения «функциональных обязанностей» другого. Действительно, прежде чем, сообщение передать определенной комбинаторикой речевых знаков, необходимо при помощи знаков языка обработать, преобразовать и закодировать соответствующую информацию в общественном сознании, превратить ее в знание. При этом репрезентация языковых знаков знаками речевыми — процесс не механический. Дискурсивные задачи, стоящие перед общающимися, требуют дополнительной обработки информации как со стороны ее отправителя, так со стороны получателя. Речевые знаки располагают для этого необходимым интерпретационным механизмом. Всякая дискурсивная интерпретация языкового знака опирается на опыт, а «знаковость сущности есть функция, аргументом которой является опыт» (Кравченко А.В., 2001: 85).

Понятие знаковой интерпретанты ввел в семиотику Ч.С. Пирс, под которой он понимал то, что объясняет знак или переводит его в иное измерение. Ч. Моррис подчеркивает прагматическую составляющую интерпретанты — способность знака производить определенный эффект, воздействовать на интерпретатора. В. Дресслер такую прагматику языкового знака связывает с его интерпретантой, под которой понимает то в его содержании, что указывает на способ представления значения в знаке. Р.О. Якобсон по сути приравнивает данное понятие к значению и выделяет две разновидности интерпретант: одна связывает знак с системой знаков, другая — с контекстом его использования. Е.С. Кубрякова, опираясь на якобсоновскую концепцию знака, предлагает интерпретанту и языковое значение разграничивать. Она полагает, что можно выделить целую серию интерпретант, с помощью которых можно было бы показать, каким способом в нашем сознании представлены разные аспекты языкового значения — когнитивный, концептуальный, прагматический, эмотивный и экспрессивный. Если следовать этой логике, то значение языкового знака окажется формой существования сознания, а интерпретанта — сам способ репрезентации значения в языковом знаке. При таком понимании соотношения значения и сознания интерпретанта как свойство знака находится в генетической связи с его внутренней формой. Интерпретанта выступает способом знаковой репрезентации значения и использования знака в речемыслительной деятельности как уже готовой единицы.



Внутренняя форма, представляя нашему сознанию связь между языковым знаком и объектом знакообозначения, служит смыслогенерирующим источником в процессах формирования значения. Связь между знаком и обозначаемым объектом удерживается в сознании благодаря актуализации в нем образного денотативного признака, определившего характер данного знакообозначения. Поскольку образные признаки отображают осмысленные свойства номинируемых предметов и являются непосредственными участниками семиозиса, они становятся элементами значения. Поэтому внутренняя форма – категория языковой семантики, а интерпретанта знака – категория когнитивная, связанная с кодированием и декодированием информации, ее преобразованием в знание, пониманием и использованием знака в когнитивно-дискурсивной деятельности. Поскольку же и интерпретанта и внутренняя форма принадлежат языковому знаку, то сам знак, по А.Ф. Лосеву, «есть акт интерпретации как соответствующих моментов мышления, так и соответствующих моментов действительности» (Лосев А.Ф., 1982: 96). Это объясняется тем, что языковое мышление является (а) пониманием самого мыслительного процесса, (б) своеобразным его преломлением сквозь призму предыдущего опыта, зафиксированного в языковых знаках. А это, в свою очередь, предполагает, что любой языковой знак «существует исключительно как единица определенной семиотической системы» (Кубрякова Е.С., 2004: 503), что вне такой системы нет знака (Ю.С. Степанов), как нет его и без интерпретатора. Системный характер и интерпретанта языкового знака обеспечивают ему когнитивно-семиологическую свободу, на что обращал внимание А.Ф. Лосев: «Всякий языковой знак, отражающий ту или иную систему отношений в обозначаемом им предмете, пользуется этим отражением свободно, произвольно и уже независимо от объективной истинности отраженной в нем предметной системы отношений, равно как и от самого мышления, актом которого является знак языка» (Лосев А.Ф., 1982: 95). Этим свойством обладают, в отличие от иных семиотических систем, только языковые знаки. Заканчивая свой фундаментальный труд и возвращаясь к определению знака с тем, вероятно, чтобы учесть весь существующий семиотический опыт, Е.С. Кубрякова пишет: «Знак – это нечто воспринимаемое, образующее тело знака и представляющее в языковом коллективе как сообществе интерпретаторов некое содержание, которое заменяет означаемое или обозначающее в языковых или метаязыковых операциях...» (Кубрякова Е.С., 2004: 503–504). Как видим, здесь определяется знак в широком его понимании. Автор, как можно предположить, сознательно в начале дефиниции не использует словосочетание «языковой знак». Иначе возникли бы вопросы, каким образом материальный (физический) объект, которым является «тело знака», становится фактом языка – феномена идеального. С другой стороны, чтобы служить сообществу интерпретаторов при порождении и восприятии сообщения знак должен быть воспринимаемым. Все это возвращает нас к необходимости разграничения знаков языка и знаков речи. Их специфика обуславливается тем, что система языка ориентирована на символизацию, а дискурс – на иконичность (В.А. Виноградов). Только опираясь на данные факторы, можно выявить своеобразие языковых знаков и знаков речевых в контексте их возникновения. К этому побуждает сама Е.С. Кубрякова: «Возникая в акте семиозиса, знаки приобретают в этом акте свое строение и свое внутреннее устройство» (Кубрякова Е.С., 2004: 502).

Сущность знакообразования состоит в семасиологизации (И.А. Бодуэн де Куртенэ), означивании (Э. Бенвенист) и преобразовании звукосочетаний в социально обусловленные средства речемыслительной деятельности. С точки зрения когнитивной лингвистики знакообразование представляет собой процесс превращения предметов реальной действительности в знаки, отображающие историко-культурный опыт данного этноязыкового сообщества. Наименование предметов звукосимволами, таким образом, является одновременно и осмыслением этих предметов, овладение ими не только материально, но и «идеологически» (В.И. Абаев). Иначе говоря, словесный знак является одновременно основной когнитивной единицей, которая фиксирует, имплицитно хранит формы «перевода» фактов внешнего и внутреннего мира в мыслительные категории, то есть в своего рода «упаковки» знания. Тип и характер таких «упаковок» соответствует этапам и уровням познания.



1. Прежде всего, отметим, что план выражения знака языка и знака речи не одно и то же. Планом выражения знака речи служит некая экспонентная структура, иными словами, реально произносимый и воспринимаемый звуковой или графический комплекс. Планом выражения знака языка выступает акустический (звуковой) образ того звукоряда, который соотносится с предметом именованного.

2. План содержания и языкового, и речевого знака сущность, разумеется, идеальная. Однако и здесь имеются различия. Если планом содержания знака языка является представление (понятие) о серийном, типовом и обобщенном предмете номинации, то планом содержания знака речи выступает выделенный из того или иного класса, типа, разряда конкретный предмет, о котором идет речь в сообщении. Ср.: 1) *Книга* – источник знаний и 2) «*Дети капитана Гранта*» – моя любимая в детстве *книга*».

3. Основная функция знаков языка обслуживать отражательные процессы и мыслительную деятельность человека (фиксировать, обобщать, дифференцировать, выделять, интерпретировать получаемую информацию). Основная функция знаков речи репрезентативная – быть средством манифестации и обозначения нужного в данном акте общения предмета, средством идентификации и узнавания обозначаемых предметов или явлений.

4. Различия в устройстве также обуславливаются идеальным статусом знаков языка и материально-идеальной природой знаков речи. Элементами языкового знака являются обобщенный образ предмета (денотат), сигнификат и акустический образ. Составляющими знака речи выступают их реальные корреляты: предмет номинации, дискурсивный смысл (предметное значение) и экспонентная структура речевого знака (звукоряд).

Облигаторным свойством любого знака является его значение. Однако и здесь имеются некоторые различия. Их можно обозначить достаточно банально: значение языкового знака – языковое, а значение знака речи – речевое. Но за банальностью формулировок скрываются существенные различия. Оно в понимании сущности этих значений. На самом деле, что такое значение языковое и что такое значение речевое?

Собственно значением мы называем лишь содержание языкового знака. Речевой знак обладает смысловым содержанием. Значение – стабильная часть семантики знака, связанная с отражением социально значимого опыта данного этноязыкового сообщества. Смысл – категория личностная и поэтому вариативная, переменная часть семантики знака, связанная с дискурсивной интерпретацией и актуализацией одного из аспектов языкового значения. Смысл, таким образом, является контекстуально обусловленной единицей семантики.

5. Благодаря наличию в языковом знаке интерпретанты, он, как правило, многозначен. Полисемия – универсальное свойство знаков языка, поэтому для актуализации нужного в данном речевом акте лексико-семантического варианта необходим соответствующий контекст. Речевые знаки всегда однозначны, поскольку лишены множественных интерпретаций.

6. Знаки языка и знаки речи связаны и генетическими различиями: языковые знаки первичны, поскольку ими обладают люди непреднамеренно, естественным путем, речевые знаки вторичны, поскольку создаются на базе знаков языка и светят, так сказать, «отраженным светом» (А. Шафф). Что же касается свойства замещать, то если знаки языка являются заместителями предметов, то знаки речи – не только замещают в нашем сознании номинируемые предметы, но и соотносимые с ними знаки языка.

Из сказанного выше следует, что основными факторами вербального знакообразования являются сознание и мышление. Как констатировал С.Д. Кацнельсон, сознание невозможно без мышления, а мышление невозможно, без содействия языка. Механизмы такого «содействия» находятся в знаковости языка. Без языковых знаков не может состояться актуализация знаний в мышлении. Без знаков речи немислимо общение, если под таковым понимать кодирование и декодирование информации. Да и сама «память сознания», «кладовая знаний», хранение знаний в сознании невозможны без участия языковых знаков. Это объясняется тем, что процесс накопления и



упорядочения знаний, сведения их в такие когнитивные структуры, которые, собственно, и обеспечивают их хранение в общественном сознании. Такими структурами являются разного рода концепты, объективируемые языковыми знаками и их речевыми коррелятами. Именно когнитивные структуры для своей объективации стимулируют процессы «свертывания» речи, ее превращения во внутреннюю, а затем в «потенциальную» речь, что, в конечном итоге, индуцирует образование языковых знаков.

1. Значимость языковых знаков для нашего сознания определяется, по крайней мере, двумя факторами. Во-первых, тем, что в процессе знакообразования происходит накопление и обновление концептов. Во-вторых, тем, что языковые знаки снабжает механизмы сознания семиотическими средствами элементарного мышления. Как видим, это двусторонний процесс. «Развертывания» элементов сознания и «свертывания» продуктов речи без знаковой системы не осуществимы.

Заключение

Развитие речемыслительной деятельности не только создает внешние семиотические структуры для репрезентации мыслительного содержания, но в единстве с процессами выработки и упорядочения знаний стимулирует возникновение необходимых промежуточных звеньев и механизмов (так называемые «внутреннюю» и «потенциальную» речь), без которых немислимо не только общение, обмен мыслями, но и само сознание. Следовательно, знаковая подсистема языка служит не просто придатком к сознанию, позволяющим оформлять конечные фабрикаты мышления – концепты (Langacker R.W., 1997), «упаковывая» их в языковые формы, но и непосредственным средством формирования сознания. Не остаются в стороне от этого процесса и речевые знаки. Они вызывают в сознании такие структурные изменения, которые делают сознание более совершенным, порождая при этом новые языковые знаки, прежде всего знаки вторичной (метафоры) и косвенно-производной номинации (фразеологизмы).

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Проблемы когнитивно-семиологического исследования языка // Слово – сознание – культура. – М.: Флинта-Наука, 2006. – С. 31–41.
2. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
2. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск, 2001.
3. Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Наука, 2004.
5. Langacker R.W. The conceptual basis of cognitive semantics // Language and conceptualization / Ed. by J. Nuyts and E. Pederson. – Cambridge, 1997.
6. Eco U. A theory of semiotics. – Bloomington: Indiana Univ. Press, 1976.

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS

N.F. Alefirenko

*Belgorod State
University*

*e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.